

ФЕНИМОР КУПЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РОМАНОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. МОГУЧЕГО

ТОМ III
КОЖАНЫЙ ЧУЛОК
КНИГА I

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

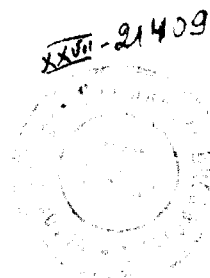
ФЕНИМОР КУПЕР

ЗВЕРОБОЙ

РОМАН

С РИСУНКАМИ
БРОКА

ТРЕТЬЯ ТЫСЯЧА

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

J. FENIMOR COOPER

THE DEERSLAYER

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Зверобой — первый по времени развития действия роман знаменитой серии Ф. Купера: „Кожаный Чулок“. Эта серия, или, как ее называет сам автор, „драма в пяти действиях“ (т.е. в пяти книгах), создавалась Купером одновременно, вразбивку и не в порядке хронологии событий, так что „Зверобой“ — в сущности, первое повествование о „юных днях“ Натаниэля Бумпо — по времени выполнения явился последним.

В предисловии к этому роману Купер говорит: „Добрый прием, который был оказан Кожаному Чулку при описании позднейшей его жизни, а также смерти, породил в уме автора сознание обязанности дать отчет и о его юных днях. Короче сказать, картина его жизни, в том виде, как она была представлена, была так широка, что должна была возбудить желание увидеть возникновение того плана, по которому в дальнейшем она была создана“.

Не касаясь вопроса о порядке создания отдельных томов этой широкой социальной драмы, мы имеем перед собою грандиозную картину небольшого по времени, но глубокого по своему внутреннему содержанию периода американской истории. В нем отражаются все уродливые изломы того, что принято было называть „возникновением цивилизации на дикой почве европейской колонии“, но что, по существу, было захватом, грабежом, насилием и уничтожением (физическим и моральным) самобытной расы американских туземцев.

Полчища колонизаторов-хищников, выбрасываемых Старым Светом к богатым берегам Нового, сталкивались с древней расой туземцев, создавшей своеобразную государственность, а местами — и высокую культуру.

Особая культура была даже у тех „отсталых“ племен Америки, которые, казалось, не вышли еще из полудикого состояния.

„Когда европейцы, — говорит Купер в одном из своих предисловий, — заполнили громадную область, которая простирается от Пеннобскота до Потомака и от Атлантического океана до Миссисипи, ею владел народ одного происхождения. Может-быть, в двух-трех местах в пределах этой обширной территории врывались окружающие племена, но мы, по крайней мере, определили естественные и обычные границы этой области. Упомянутый народ носил родовое название вапачки, но любил называть себя деини-ленепа, что значит на их языке: „народ без примеси“. У каждого племени было свое название, свои вожди, своя обособленная территория для охоты. Все они считали себя происходящими от одного корня. У них был общий язык, общие предания, с изумительной точностью передававшиеся от одного поколения к другому. Одно из разветвлений этого многочисленного народа населяло берега прекрасной реки,

Переплет по рисунку художника А. Могилевского.

Отпечатано в типографии „Красный Пролетарий“.

Москва, Пименовская, 16, в колич. 10.000 экз.

Глава № 79217. 141, листов.

1927

в то время известной под названием Ленапехиттук. Именно там, по единодушному соглашению племен, был основан „Длинный Дом“, или „Очаг Великого Совета“ этого народа. Племя, владевшее всем краем на запад от Гудзонова залива, а также большим пространством области, простиравшейся еще южнее, — было могущественным народом, называвшимся могиканами. Могикане также подразделялись на племена. Каждое из них доказывало, что оно древнее всех других, споря о первенстве в этом отношении даже с соседями, охранителями „Длинного Дома“, но признавая за ними без спора название: „старший сын их деда“. Племя, охранявшее священную ограду „Дома Совета“, долго носило лестное наименование „ленапе“, но когда англичане переделали название реки в Делавар, новое наименование мало-по-малу перешло и к обитателям ее берегов. На пространстве в несколько сотен миль вдоль северной границы области племени ленапов обитал другой народ. Соседи называли его мингуи. Пять самых многочисленных и воинственных из этих племен, при том находившихся ближе всех других к „Дому Совета“ делаваров, заключили между собою союз, с целью защищать друг друга. В сущности, это были древнейшие соединенные республики. Союз заключили: могауки, онеидцы, сенеки, кайюгасы и онондагасы. Современем одно бродячее племя того же народа, перешедшее „ближе к солнцу“, присоединилось к союзу пяти народов и получило все политические привилегии остальных племен, образовавших его. Это племя (тускарорасы) в такой степени увеличило численность союзников, что англичане изменили имя, данное ими конфедерации, и стали называть ее не „пять племен“, а „шесть наций“. Голландцы и мингуи (минги) уговорили ленапов сложить оружие и всецело поручить им защиту своей безопасности, — словом, согласно фигуральному выражению туземцев, „превратиться в женщин“. С этого момента начинается падение самого значительного и цивилизованного из всех индейских племен, занимавших теперешнюю территорию Соединенных Штатов. Обобранные белыми, притесняемые и истребляемые краснокожими, эти несчастные некоторое время бродили вокруг своего „Дома Советов“, потом, разделившись на отдельные партии, скрылись в обширных пустынях, которые тянутся на запад.

Не одни ленапы-делавары таким образом сходили с исторической сцены; так вымирала вообще вся американская раса...

Первые купцы-мореплаватели, посетившие берега Америки и ближайшие острова, полагали, что новая земля есть не что иное, как „дальная оконечность Индии“, кратчайший путь к которой они, собственно, разыскивали. Назвав открытую ими часть Америки Вест-Индией, они присвоили обитателям ее название: „индейцы“, и это имя сохранилось за туземцами Америки до сего времени. Но когда выяснилось, что открытая земля — не Индия, а представляет собою огромный самостоятельный материк, населенный особой расой „краснокожих“ людей, невольно возник вопрос: откуда произошло это население материка, отделенного от Старого Света широкими Атлантическим и Тихим океанами? Является ли этот народ с темно-красным цветом кожи самостоятельной расой, или же в глубинах тысячелетий кроется исток его происхождения, общий с народами Старого Света?

Так возник вопрос о происхождении индейцев, не вполне разрешенный наукой и до настоящего времени.

Если бы было доказано, что Америка была самостоятельной колыбелью индейского населения, и что между ним и остальным человечеством не было никакой родственной связи, то этот вопрос потерял бы свою остроту и смысл.

Но данные науки о языке (лингвистика) и сравнительной истории культур с несомненностью говорят о том, что американские индейцы или имели общих с остальным человечеством предков, или что в отдаленнейшие эпохи существования земли должно было быть общение между населением тех материков, которые мы сейчас называем Старым Светом, и жителями Нового. Действительно, исследуя язык туземцев Америки, ученые пришли к заключению о тождественности корней некоторых слов, имеющих одно и то же значение, в языках: индейском, китайском, суммерийском и ассирийском. Еще Гумбольдт говорил о нескольких десятках корней, общих индейским наречиям и языкам монголов, кельтов и басков. Уже в новейшее время обнаружено сходство наречий одной из групп северо-американских индейцев с китайско-тибетскими диалектами.

Кроме того, более детальные исследования мифов, легенд и древних народных поверий индейцев обнаружили близкое сходство их со сказаниями и мифами вавилонско-библейскими. Таким образом, язык и древнейшие индейские сказания как бы указывают на Азию, как на источник своего возникновения.

Когда европейские завоеватели кинулись на вновь открытый материк Америки, они встретили там (и позже стерли с лица земли) замечательные первобытные цивилизации: толтеков и ацтеков в Мексике, инков в Перу и др. Многочисленные элементы этих культур (иероглифы, архитектура, религиозные верования и обряды) опять-таки свидетельствовали о связи их в древности с высокими цивилизациями Азии, а также Египта.

Еще с большей убедительностью указывают на азиатский первоисточник происхождения индейцев антропологические изыскания. Один американский ученый-антрополог, специально изучавший сибирских инородцев, пришел к заключению, что среди доживших до нас представителей древнего населения северной Азии сохранился тип, ничем не отличающийся от типа американских индейцев. И если ближе всмотреться в тип индейца, то, несмотря на различие, которое существует в деталях между отдельными туземными народностями Америки, приходится склониться к убеждению, что в их образовании должен был сыграть роль именно монгольский элемент, т. е. монгольская раса. Цвет кожи индейца желтый, приближающийся иногда к медно-красному, чаще же всего — к бронзовому оттенку. Волосы черные, прямые и длинные. Оттенком кожи и глаз, формой и цветом волос, отсутствием или малым развитием бороды и усов, выдающимися скулами, — всем этим индеец напоминает монгола.

Однако, необходимо отметить, что, несмотря на физическое, психологическое и культурное сходство всех индейцев между собой, американская раса не сможет считаться единою в смысле родовой чистоты. Между различными племенами индейцев Северной и Южной Америки существуют различия в росте, форме черепа и лица, в цвете кожи, и т. п.

Индейцы, повидимому, подобно белым, — раса смешанной крови (метисы), и можно говорить лишь о преобладании в образовании этой расы монгольского элемента.

В настоящее время достаточно твердо установлено родство между некоторыми индейскими племенами и жителями Полинезии и Австралии.

Таким образом, мы подходим вплотную к интереснейшему выводу. Оказывается, что огромный остров-материк, со всех сторон окруженный пустыней океанов, тем не менее был издавна заселен многочисленной расой, родственной расам Старого Света или издревле имевшей с ним теснейшее общение.

Быть-может, население это появилось лишь в позднейшее время? Ведь, повидимому, Америка была посещаемая людьми Старого Света задолго до открытия Колумба. Еще в V столетии христианского летоисчисления Китай посылал свои джонки в далекую страну Фузанг — „за море, на восток“, а этой страной могла быть только Средняя Америка, лежащая, действительно, „за морем, на востоке“.

Быть-может, в далекие геологические эпохи этот огромный материк лежал безлюдным? Нет! Раскопки, производимые в Северной и Южной Америке, от времени до времени дают результаты, говорящие о существовании в Америке человека еще в начале палеотической эпохи, и даже в третичную эру, а ведь эта эра истории земли переносит нас на несколько миллионов, а может-быть, и десятков миллионов лет назад. Тогда, — как говорит нам наука о происхождении и истории земли — геология, — Старый Свет был соединен с Америкой двумя материками: один из них соединял южную Европу и Африку с Антильскими островами и Центральной Америкой; второй — Африку с той частью Южной Америки, где сейчас Бразилия. В следующую, ближайшую к нам, эпоху эти материк-мосты уже более не существовали, поглощенные волнами океана при какой-то грандиозной катастрофе.

Вопрос о заселении Америки и происхождении индейцев не может считаться в деталях решенным: это задача дальнейшего развития науки. Нисходит ли дата самостоятельного появления американской расы в седую древность земли, в третичную эру, о которой мы только-что говорили? Пришли ли, наоборот, предки индейцев из стран Азии, двигаясь холодными ледяными полями ее севера? Или же, уже значительно позже, они перешли узкий пролив, в наше время называемый Беринговым, где так близко сходятся оконечности двух материков: Азии и Америки? Между прочим, у индейцев Мексики, Юкатана и Центральной Америки сохранилось поверье о том, что предки их прибыли из холодных стран, где они долгое время блуждали по скалам „сквозь темную ночь“, и что они переправились через море так, „как если бы этого моря не было“. Каковы бы ни были детали, мы должны признать, что Америка была заселена особой расой, которую мы сейчас называем „американской“, еще в седые времена появления первых людей.

Где бы в странах Старого Света и когда бы — в третичной или четвертичной эпохе — ни искать родоначальников туземного населения Америки и, в частности, сев.-американских индейцев, для нас в настоящую минуту особо интересен и важен тот факт, что захватническое движение европейцев встретило на своем пути определенную, искони живущую на

родной земле расу, имевшую свою, пусть примитивную, культуру и создавшую к тому времени даже свою особую государственность.

Но ни с этой расой, с ее нравами и нуждами, ни с этой первобытной культурой западная „цивилизация“ не намеревалась считаться. Вновь открываемые земли объявлялись пустынями, на которые не ступала нога человека, и которые населяли лишь „дикие звери и туземцы“, приравняемые к животным.

„Кожаный Чулок“ Купера, т.-е. входящие в эту серию все пять романов, захватывает, приблизительно, шестидесятилетний период позднейшей колонизации Америки¹.

И против воли автора, благодаря его несомненному таланту, эта серия ярко, образно и волнующе дает нам представление о четырех характерных моментах этой колонизации...

Бесконечные девственные леса, где солнце столетиями обливает верхушки мощных дубов, куда редко проникала нога белого человека и где лишь краснокожий воин и бронзовый от загара белый охотник в бесшумных мокассинах прокладывают тропки среди колючего кустарника и сплошного валежника... Сюда проникают лишь „охотники за землей“, своеобразные ходоки цивилизации, выискивающие места для удобного поселения, да одиночки — „Канадские Бобры“ — уходят в глубь пустоши, подальше от человеческих глаз. Это — первый момент („Зверобой“).

Борьба за удержание, за обладание захваченными землями (колониями), борьба между главнейшими „колонизаторами“ — Англией и Францией. Бесконечные кровавые колониальные войны, в которые воюющие втягивают и красные племена туземцев. Этим племенам одинаково враждебны и французы, и индизы — англичане. И обе стороны враждующих между собою белых в одинаковой мере боятся своих краснокожих союзников, поощряя, чтобы удержать на своей стороне, все их самые низменные инстинкты, развращая их и в этом своем обдуманном развращении находя гнусное оправдание и стимул к проповеди истребления индейцев. Частью бегут, частью угасают, — и все сходят со сцены жизни, — племена американской расы. Это — второй момент... („Следопыт“ и „Последний из могикан“).

После отделения Северо-Американских Штатов² от метрополии — Англии — начинается „оживление“ колонизации внутренних областей Штатов. Топоры врубаются в девственную чащу, пролагая просеки и опустошая леса. Задымились трубы поселений и городков там, где еще недавно один „Канадский Бобр“ да туземные племена считали себя хозяевами огромных пространств. И на берегах затерянного в глубине лесов Глимергласа, названного уже озером Отсего, раскинулся городок. Слепое и хищническое истребление богатств, рассыпанных щедрой природой! Где исконный обитатель этих земель — свободный туземец? Его нет! Он бежал далеко на запад и юг от надвигающейся „цивилизации“, захвата и истребления; бежал вплоть до необъятных равнин Луизианы.

¹ С 1745 по 1805 г.г.

² См. том 1-й собр. романов Купера: „Шпион“.
(Прим. ред.)

Чингачгук, — „великий воин и последний вождь могикан“, оставшийся с „цивилизацией“, волю которого подавили миссионеры, а дух — алкоголь, — в кабачке „Храбрый Драгун“ оплакивает свое бывшее величие и свободу, которые никогда уже не вернутся...

Появилась „цивилизация“, появились запруды на реках, ограды на полях, охраняющие „священную собственность“ неведомых никому пришельцев. И старый Бумпо, с детства охотник лесов, уходит дальше и дальше от гнета „цивилизации“. Это — третий момент... („Пионеры“.)

Но неудержимо катится волна колонизации, торжествует „жестокая правда“ белого человека. Далекая Луизиана в 1803 году приобретает Штатами. Умирающий старый охотник видит, что он не ушел от белых людей и их захвата... Завершается колонизация приобщением к „культуре“ новых девственных пространств... Некуда бежать уничтожаемому туземцу!.. Это — последний момент... („Прерия“.)

Свидетелем и участником „всех этих чудесных и быстрых изменений, характеризовавших прогресс американцев“, Купер сделал белого по происхождению, но воспитавшегося среди туземцев охотника Натаниэля Бумпо — „Кожаного Чулка“.

Купер следующими словами характеризует своего героя:

„Об упомянутом действующем лице автор скажет только, что это человек по природе добрый, удаленный от всех соблазнов цивилизации, хотя и не вполне забывший свои предрассудки и то, о чем ему твердили. Он, заброшенный к дикарям и, может-быть, скорее исправленный, нежели испорченный близостью с ними, выказывает то слабости, то добродетели, порожденные в нем условиями его жизни в пустыне и рождением“.

Бумпо — непосредственный, искренний, честный человек, не утаивающий своей „правды“. И в призме этой „правды“ преломляются все уродливости „прогресса американцев“.

„Правда“ Бумпо — Купера — есть только слабый отклик; это, если можно так выразиться, „полуправда“.

Но Купер создавал свое произведение в те времена и при тех условиях, когда полной, стопроцентной правды не могло еще быть!

Полную правду о всем ужасе империалистического колониального захвата и управления могли бы рассказать лишь те, над чьими курганами холодный ветер с Гудзона поет заунывную песнь о погибших и догорающих племенах первобытной американской расы...

Н. Могучий

ЗВЕРОВОЙ